

LITERATURE OF THE EAST
Theory of literature. Textology
ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА
Теория литературы. Текстология

Научная статья

Филологические науки

УДК 82-145+801. 677.3(=821.214.22, =801. 677.3)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-722-734>

Мотив бумажного одеяния у Галиба и его предшественников

Наталья Ильинична Пригарина^a, Людмила Александровна Васильева^b

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

^a prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>

^b ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>

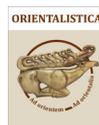
Аннотация. В статье рассматривается первый стих (*ше'р*) первой газели «Дивана Галиба». Внимание комментаторов обычно привлекает в нем мотив бумажного одеяния (*kāghazī peirahan*), которое в древние времена надевали жалобщики, отправляясь к правителю. Круг тем, с которыми связана идея жалобы в поэзии Галиба и в других стихах урду и персидских поэтов, оказывается широким и при этом устойчивым. Надевая рубаху из бумаги, жалобщик сетует на Творца, на судьбу, на жестокую красавицу, на недостаточное понимание его поэзии и скудость вознаграждения, наконец – на самого поэта, одевшего в бумагу свои стихи. Все это разнообразие ситуаций тесно связано с обыгрыванием элементов мотива и его контекстом, складывающимся из стихов персидских предшественников Галиба и его собственных стихов с этим мотивом. Этот подход в определенной степени помогает понять все уровни смысла, заложенные в одном из самых трудных для интерпретации текстов Галиба.

Ключевые слова: ше'р; бейт; бумажное одеяние; жалобщик; Мирза Асадулла-хан Галиб (1792–1869); Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984); возлюбленная; справедливость

Для цитирования: Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Мотив бумажного одеяния у Галиба и его предшественников. *Ориенталистика*. 2021;4(3):722–734. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-722-734>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-722-734>

Motif of paper garment in Ghalib's and his predecessors' verses

Natalia I. Prigarina^a, Ludmila A. Vasilyeva^b*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,**prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>**a prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>**b ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>*

Abstract. The article deals with *matla'* (first *she'r* – two-line couplet – in a ghazal) of the first ghazal in the *Divan* by Mirza Asadulla-khan Ghalib (1792–1869) written in Urdu. One of the items usually commented there is the garment made of paper (*kāḡhazī peirahan*). It used to be worn in ancient times by the complainers who appealed to the ruler. The range of complaints in the poetry of Ghalib as well as by other Urdu and Persian poets was wide, however, stable. “Wearing paper clothes”, the petitioner complained about the Almighty, the ill fate, a cruel girl, a lack of understanding of the petitioner's poetry and the poor remuneration, and finally, about the poet himself, who “dressed” his poems in the paper. These diverse situations form the elements of the literary motif as well as its context and are common in the Persian verses by the predecessors of Ghalib and also himself. Its analysis helps to understand all levels of meaning inherent in one of the most difficult-to-interpret texts by Ghalib.

Keywords. *she'r*; *beyt*; paper; garment made of; complainer; Mirza Asadulla-khan Ghalib (1792–1869); Faiz Ahmad Faiz (1911–1984); beloved; justice, a category

For citation: Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. Motif of paper garment in Ghalib's and his predecessors' verses. *Orientalistica*. 2021;4(3):722–734. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-722-734>.

...В ней есть какая-то восточная бессмыслица,
имеющая свое поэтическое достоинство.

А. С. Пушкин

Сначала послушай о смысле бессмысленных бейтов...

Мирза Галиб

Введение

Великий поэт Индопакистанского субконтинента Мирза Асадулла-хан Галиб (1792–1869) свое основное произведение на языке урду «Диван Галиба» издал впервые в 1841 г. в Дели. К созданию этого опуса он шел с самых ранних лет жизни. Свои стихи, относящиеся к 1816–1821 гг., он последовательно редактировал, отбрасывал или сокращал. Все это время, до 1841 г., он писал и публиковал стихи на персидском языке. Поэт давал невысокую оценку своим опытам на урду и советовал читать его персидские стихи:

Пусть мала тетрадь моих стихов урду,
Это больные листья из пальмовой рощи моей поэзии.
Взгляни на мои персидские стихи – и увидишь многоцветный мир,
Оставь диван стихов урду – в нем я сам не свой [1, с. 53].

Так он писал в известном фрагменте (*кыт'а*) на персидском языке.

Однако славу великого поэта на его родине составил именно *Диван урду*. Диван открывается газелью, которую можно обнаружить в рукописях 1816 г. Поэт взял из нее только первые пять стихов из девяти. Первый стих – *матла'* газели, ее зачин привлекает постоянное внимание галибологов. В данной статье будут обсуждаться замысел, поэтическая тема и стилистические особенности этого первого стиха в контексте имеющих в нашем распоряжении поэтических вариаций самого Галиба и его предшественников в персидской и урду литературах.

Персидский контекст предоставлен одним из самых известных исследователей Галиба, составителем собрания его стихов на урду Имтиязом 'Али Арши [2]. Стихи раннего Галиба мы цитируем по другому изданию – «Полный диван урду» Калидаса Гупты Разы [3]. Наше внимание, как и многих комментаторов Галиба, в первую очередь сосредоточено на мотиве «бумажное одеяние жалобщика». Обращаясь к этому мотиву в поэзии Галиба и его персоязычных предшественников, мы пытались проследить разнообразные модели его употребления и девиации всего лишь с одной целью – как можно лучше понять замысел первого бейта газели.

Обратимся к первому стиху первой газели «Дивана Галиба».

نقش فریادی ہے کس کی شوخی تحریر کا
کاغذی ہے پیرہن پر پیکر تصویر کا

naqsh faryādī hei kis kī shoḡhī-e taḥrīr kā
kāghazī hei peirahan har peikar-e taṣvīr kā [2, с. 132].

На озорство чьего письма предстает жалобщиком рисунок?
Бумажное одеяние у каждого изображения на картине¹.

Сами носители языка считают этот стих (*ше'р*) усложненным и трудным для непосредственного понимания. Галиба постоянно обвиняли в чрезмерной усложненности, а порой и в недоступности смысла.

Существует комментарий самого Галиба, содержащийся в его письме к другу и ученику моулави Шакиру, которым поэт как бы отвечает на эти обвинения:

«Сначала послушай о смысле бессмысленных бейтов... В Иране существует обычай, согласно которому ищущий справедливости предстает перед правителем, надевая бумажную одежду, – это равносильно тому,

¹ Здесь и далее: если не указано имя переводчика, все переводы с языков урду и персидского на русский язык выполнены авторами.

как если бы зажечь факел днем или принести пропитанную кровью ткань на бамбуковом шесте. Так вот, поэт размышляет: на дерзость чьего письма жалуется творение в виде картины? У картины – бумажное одеяние. То есть существование, пусть оно, подобно “бытию” рисунков, – абсолютная условность (*e'tebār-e maḥẓ*), все равно оно является причиной боли, печали и страданий» [3, с. 837].

Вернемся к содержанию *ше'ра*. Каждое создание подобно рисунку на бумаге, который вышел из-под пера беспечного озорного Художника. Но получилось так, что создания этого Художника с самого своего появления на бумаге бытия уже обречены стать неразлучными со своим бумажным одеянием. По старинному иранскому обычаю, бумажное одеяние – традиционная одежда жалобщика. Создания Художника таким образом появляются в мире сем, заранее готовые сетовать на свои земные страдания. Считается, что это, в первую очередь, страдания от разлуки с Создателем, хотя напрашивается объяснение, что причина страданий – странное поведение Творца, его неуместное озорство.

Рассматриваемый стих породил множество споров и комментариев, в которых принимали участие не только стиховеды, но и стихотворцы, включая современных, и в их числе – сам Фаиз Ахмад Фаиз, знаменитый поэт и продолжатель традиций Галиба в поэзии урду XX в. Толкованию зачина (*матла'*) посвящено множество больших и малых работ – от одного параграфа до целых статей, но практически каждая начинается с обсуждения фигуры «жалобщика» и его «бумажного одеяния».

Мотив бумаги как одежды жалобщика достаточно широко распространен в персидской литературе, он наличествует также и в литературе урду. Говоря о персидских предшественниках этого мотива, 'Арши приводит четыре *бейта* (здесь мы используем персидскую терминологию для слова *ше'р*) из классической персидской поэзии с темой одеяния жалобщика [2, с. 328] (заметим, что только у одного Хакани (1126–1199) это сочетание слов встречается около восьми раз). Поскольку 'Арши счел нужным привести именно эти строки, попробуем расширить за их счет свое понимание всей темы жалобы.

Хакани

تا که دست قدر، از دست تو بر بود قلم
کاغذین پیرهن از دست قدر باد پدر

Если рука судьбы похитила из рук твоих калам,
Да будет из руки судьбы, отец, – бумажная рубаха!

Этот бейт взят из *марси* № 9 «Оплакивание сына Рашид ад-Дина», длинной элегии на смерть сына поэта.

Смысл бейта: отец, если судьба выбила из твоих рук перо, т. е. лишила тебя возможности писать стихи из-за утраты сына, пусть, по крайней

мере, останется бумага, из которой можно сделать одежду жалобщика – бумажную рубаху. В этой жалобе поэта на невозможность выразить свое страдание с помощью пера, излить горе в стихах о своей утрате, на помощь может прийти то, что осталось в его руках, – бумага.

Отметим, что тема калама, выпавшего из рук, выбитого из рук злой судьбой, многократно варьируется в поэзии урду.

Камал Исма'ил Исфохани:

کاغذین جامه پوشید و بدرگه آمد
زادهٔ خاطر من، تا بدهی داد مرا

Надел бумажное одеяние и пришел во дворец,
«О, мои стихи, когда воздадут мне должное за вас?!»

«Мои стихи» – *zādeh-e xātir-e man*, букв. «дитя моей души», на значение этого оборота – «стихи» – указывает [5, сл. ст. *zādeh-e xātir*]. Обращение, судя по слову «дворец», адресовано правителю, но может также указывать на покровителя, который не желает достойно оценить стихи поэта и должным образом вознаградить его. Здесь мы фактически видим прямую иллюстрацию к обычаю приносить жалобы повелителю, описанному Галибом в письме к Шакиру, а также традиционную поэтическую фигуру «красота просьбы» (*ḥusn-e ṭalab*), как правило, тематически связанную с вознаграждением поэта.

Сайф ад-Дин Исфиранги:

کاغذین جامه چو صیغگاهی برآرم هر شبی
تا کجا خواهد رسیدن زین تظلم کارمن؟

Бумажное одеяние, подобное рассвету, я надеваю каждую ночь,
Куда пойдет из-за этой жалобы на притеснение мое дело?

В первом полустиишии рассвет по цвету сравнивается с бумагой, ночь в поэзии – время страданий и жалоб, ночные жалобы связаны здесь с безнадёжностью ситуации, неизвестно, как обернется жалоба на притеснение (*tazallum*). Поскольку контекст этого бейта неизвестен, это могут быть жалобы на любовные страдания, но также и на несправедливость правителя или на соперников поэта. Обратим внимание на время действия – ночь, время самых тяжелых мыслей и переживаний и в персидской поэзии, и в поэзии урду, неверие в то, что может наступить рассвет. Вместо него «утешением» в ночи станет светлая, бумажная, одежда жалобщика. Мы увидим, что Галиб не прошел мимо возможностей этого образа.

Баба Фигани Ширази:

زخوبان داد میخواستیم فغانی، مهربانی کو؟
که سازد کاغذین پیراهن از طومار افسون هم

От красавиц требую справедливости, Фигани, где милость?
Ведь колдовство делает даже из амулета бумажную рубаху.

Амулет (*tūmār*), как правило, представлял собой изречение из Корана, записанное на клочке бумаги и вложенное в своего рода медальон в виде цилиндра или плоской коробочки, которую носили на шее. От хитрости и волшебных чар (*afsūn*) красавиц не поможет и амулет, остается использовать его бумагу для одевания жалобщика. Здесь мы находим мотив любовной болезни и жалобщика в бумажном платье из весьма экзотического материала – из бумажки с заклинаниями, хранящейся в амулетнице.

По всей вероятности, мотив жалобы и образ жалобщика в бумажном одевании какое-то время особо занимали ум молодого Галиба. Во всяком случае, в его ранней поэзии «бумажное одевание» встречается еще в трех *she'rah* газелей раннего периода, не включенных в «Диван». Эти газели помещены в «Диване Арши» в разделе «Сокровищница смысла». Заметим, однако, что сам поэт впоследствии забраковал эти строки, его отбор вызывает сочувствие из-за их некоторой неуклюжести, создающей трудности для перевода. При этом анализ «забракованных» строк порой не менее интересен и полезен для понимания подходов поэта к разработке мотива.

В газели Галиба, отнесенной К. Г. Разой к «первому периоду» (до 1816 г.), встречается *she'p*, в котором словно испытываются возможности «бумаги»:

داد خواه تپش و مهر خموش بر لب
کاغذ سرمه ، بے جامہ ترے بیماروں کا

dādḵhwāh-e tapish o muhr-e khamosh bar lab
kāghaḏ-e surma, hei jāma tire bīmāron kā [4, c. 328].

Ходатай сердцебиения и – печать молчания на губах,
Бумага из-под сурьмы – платье больных тобою.

Все первое полустихие написано фактически на персидском языке, хотя адекватно читается на урду. В его первом полустихии соположены две изафетные конструкции, содержащие генитивные определения. «ходатай сердцебиения» и «печать молчания». *Dādḵhwāh* (ходатай) – составное слово, первая его часть *dād* – справедливость, вторая *khwāh* – требование, просьба. Слово *tapish* – «биение, трепет», от глагола *tapīdan* «биться, пульсировать, трепетать». Однако в словаре Деххода также отмечено и значение «вспыхивание и угасание огня» [5, сл. ст. *tapish*]. В урду это слово значит «внутреннее горение, жар»², и лишь в одном из старых персидско-урду словарей имеется значение *tapish* и как «волнение; дрожь» [6, с. 31]. В поэзии урду это слово обычно понимается как «любовный жар». Строку можно было бы перевести и как «Справедливо требующий горения / биения», но и тот и другой вариант не очень проясняют ситуацию бейта.

² В языке хинди, который считается литературной формой общего с урду разговорного «хиндустан», слово *tapish* употребляется в значении «жара; жар, лихорадка; мучение, страдание», а также «биение сердца».

Впрочем, даже если любовное волнение проявляется то как биение, то как горение, ни того ни другого состояния выразить в словах лирический персонаж не может, поскольку печать на устах обрекает его на немоту.

Лексический ряд второго полустушия содержит слово *jāta*, «платье, одежда». Отметим, что *jāta* – синоним *peirahan* (рубаха), и ему сопутствует богатство коннотаций, присущих *peirahan* в обоих языках, в том числе и метафоры страдания, обмана и лечебных свойств «рубahi Йусуфа»³. В контексте *ше'ра* особый интерес представляет словосочетание *kāghaž-e surma* «бумага из-под сурьмы, со следами сурьмы», еще один экзотический материал для платья жалобщика!

Сурьма – мельчайшим образом истолченный черный порошок, которым на Востоке подводят глаза. Как лечебное средство она применяется и при болезнях глаз. Но сурьма, подсыпанная в пищу, лишает человека голоса (таким образом профессиональные певцы порой избавлялись от своих соперников; рассказы и легенды о таких случаях до сих пор бытуют в Индии). В урду идиома «накормить сурьмой» (*surma khilāna*) означает «лишить голоса». В небольших индийских лавочках лекарские товары, в том числе и порошки, лавочник продавал, завернув в листок бумаги, свернутый фунтиком.

Попробуем, исходя из этих реалий, истолковать вторую строку *ше'ра*. В газельном прочтении «больные тобой» или «твои больные» – это влюбленные. Этикет любви предписывает им хранить молчание о своих чувствах и терпеть несправедливость возлюбленной. Однако они испытывают беспокойство – сердцебиение, горение. И на больных – «бумажное» платье, причем из бумаги со следами сурьмы, либо той, из-за которой влюбленные лишились голоса, так как на их устах появилась печать молчания, либо лекарства от любовной болезни. Бумага же, в которую сурьма была завернута, теперь подошла для одежды жалобщика. Между тем пожаловаться значит разгласить тайну любви. Интересно, что в персидском словаре Дехходы имеется оборот *kāghaž-e surma* со значением – «лекарство», подкрепленный примером из персидской поэзии [5, сл. ст. *kāghaž*]. Это значение никак не вписывается во вразумительный перевод нашего полустушия: «лекарство – платье больных тобой» (?), и указанное значение можно упомянуть лишь как курьез. Тем не менее мотив «болезнь – лекарство» одно из общих мест поэзии на обоих языках. Не удивительно, что мотив лекарства тут же встречается в другом *ше'ре*. О парадоксальности этого «лекарства» уже было сказано: можно использовать сурьму, чтобы навредить влюбленным, заставить их молчать, но при этом бумага от сурьмы может оказаться лекарством от их страданий, ведь молчаливая жалоба иногда более действенна, чем требования справедливости! Подобные сложные построения типичны для «индийского стиля» и характерны

³ Подробнее о символике слова *peirahan* см.: [7, с. 191–192].

для ранних стихов Галиба. Многочисленные примеры его увлечения поэзией «индийского стиля» приводит Хуршидул Ислам [8]⁴.

Похожий *she'p* встречаем в газели более позднего, третьего периода, определенного К. Г. Разой с 1817 по 1821 г.

تیرے بیمار پہ ہیں فریادی
وہ جو کاغذ میں دوا باندھتے ہیں

tere bīmār pah heiñ faryādī
voh jo kāghaḥ meñ davā bāndhte heiñ [4, с.335].

Больные тобой еще и жалобщики, –
Те, что лекарство заворачивают в бумагу.

В лексико-семантическом ряду *she'pa* появилось ключевое слово мотива – *faryādī* (жалобщик). Жалобщики пытаются справиться с болезнью с помощью лекарства, купленного в лавке лекаря и по всем правилам завернутого в бумагу. При этом бумага открывает для них возможность выступить с жалобой, если сделать из нее одеяние. В обеих строках содержится упрек в адрес влюбленных. В первом полустииши на него указывает союз *pah* (сокращенное от *par* – «но, однако, тем не менее»): они влюблены в тебя, однако выступают с жалобами. Во второй строке упрек выражен иносказательно: вместо того, чтобы, в согласии с традицией, использовать бумагу для платья жалобщика, влюбленные заворачивают в нее лекарство, что свидетельствует не в их пользу. Ведь они пытаются вылечиться от любовного недуга лекарствами, а это, с одной стороны, невозможно, а с другой – предосудительно с точки зрения любовного этикета!

В одной из касыд Галиба под названием «Касыда Хейдари» (*qaṣīda-e heidari*) также встречается мотив жалобщика в бумажном одеянии. Эту касыду К. Г. Раза отнес к тому же, третьему, периоду творчества поэта. В ней Галиб обратился к «бумажному платью» в изящной природной зарисовке:

پہنے ہے پیرہن کاغذ ابری، نیساں .
یہ تنک ما یہ ہے فریادی جوش ایثار

pahne hei peirahan-e kāghaḥ-e abrī, neisañ
yeh tunukmāya hei faryādī-e josh-e īṣār

Весенний дождик облачился в одеяние из радужной бумаги,
Этот, со скудными средствами, – жалобщик, кипящий [желанием]
сделать пожертвование [4, с. 307].

Дождевую завесу из разноцветных капель дождя, сверкающих в лучах весеннего солнца, поэт сопоставил с пестрой, разноцветной бумагой для обертывания книг (*kāghaḥ-e abrī*). «Бумажное одеяние» весеннего до-

⁴ Подробный разбор этого «поэтического состязания» Галиба с персоязычными поэтами см.: [7, главы «У огненных алтарей Аджамы» и «Индийский стиль»].

жда служит доказательством его «жалобы». Отметим также, что дожди в месяц *нейсан* в поэзии – легкие весенние дождики. Этот дождик обуреваем страстным желанием сделать подношение (*josh-e īsār*), напоить землю досыта, но оно не находит отклика – он еще слишком слаб («со скудными средствами»). Страсть к самопожертвованию свойственна жанровому образу влюбленного. В этом *ше'ре* присутствуют основные лексические единицы, входящие в мотив: *kāghaž* («бумага»), *peirahan* («платье / одеяние»), а также *faryādī* («жалобщик, проситель»). Такой лексический набор с некоторыми изменениями присутствует в *ше'ре*, «возглавившем» «Диван Галиба».

Наконец, еще один *ше'р*, относящийся к первому периоду творчества, в котором новое назначение получает бумага, – это *макта'*, завершающий *ше'р* газели (1821), опять же не включенной в «Диван»:

پر نالہ اسد ہے مضمون داد خواہی
یعنی سخن کو کاغذ احرام مَدعا ہے

har nāla-e asad hei mazmūn-e dād-khvāhī
ya'nī suḵhan ko kāghaž iḥrām-e mudda'a hei [4, c. 351].

Каждый стон Асада – на тему требования справедливости.
То есть для поэзии бумага – *ихрам* намерения.

В этом *ше'ре* одежда жалобщика получает новый контекст. Она трансформировалась в одеяние мекканского паломника (*iḥrām*), в этом можно видеть намек на то, что справедливость истец будет искать в доме Божьем. Истцом выступает «каждый стон», у поэта это – каждый стих! Стихи – на бумаге, которая и есть ее *ихрам* (*ихрам*, как бумага, всегда идеально белого цвета). Поэзия Асада (ранний псевдоним, *тахаллус* Мирзы) требует справедливой оценки. Положение этого стиха в конце газели (*макта'*) часто связано с просьбой о вознаграждении поэта (*ḥusn-e ṭalab*), включая похвалы и награды, которых его поэзия достойна. В этом *ше'ре* могло отразиться недовольство Галиба своим положением – уже в молодости он стремился занять достойное место при дворе, но этому суждено было сбыться только через 30 с лишним лет! «Тема» (*mazmūn*) справедливости – целый отдельный сюжет галибовой биографии⁵, это его спор о наследстве – он называл его «пенсия».

Итак, одеяние жалобщика оказалось задействованным во многих ситуациях – в жалобах на Творца, на судьбу, на равнодушие красавиц, на несправедливость жизненных ситуаций, на недооценку поэтического таланта. Это вытекает из рассмотренных нами контекстов мотива в связи с тематикой первого бейта. Однако без внимания осталось странное определение действий того, кто сделал весь мир жалобщиком. В первом бейте газели мы встречаем слово *shoḳhī*, которое мы перевели как «озорство». На-

⁵ О том, как Галиб всю жизнь добивался справедливости в распределении наследственных средств, см.: [7].

сколько оно применимо к ситуации жалоб на мир и Создателя в *ше'ре* Галиба? В русском языке у этого слова негативные коннотации, и синонимами его являются такие слова, как дурачество, хулиганство, шалость, баловство, безобразие, бесчинство, проказа, выходка. Так ли воспринимал действия Творца наш поэт? И тут мы обращаемся к газели поэта-классика, великого предшественника Галиба, поэта XVIII в. Мира Таки Мира (1723?–1810):

کوئی ہو محرم شوخی ترا تو میں پوچھوں
کہ بزم عیش جہاں کیا سمجھ کے بر ہم کی

ko'ī ho maḥram-e shokhī tirā to meīñ pūchhūñ
ki bazm-e 'eish-e jahāñ kyā samajh ke barham kī [9, с. 270].

Если был бы у Тебя наперсник в озорстве, то я бы спросил:
О чем Ты думал, разоряя пир мирских наслаждений?

В этом стихе Мир хочет задать свой дерзкий вопрос о «неадекватном» поведении Создателя не самому Ему, а тому, кто проник в тайные интенции Божественного шалуна. Первый бейт газели Галиба вступает в перекличку с этим вызовом, ведь традиция принимает мысль о том, что мирской беспорядок, страдания человека – это еще и шутка Создателя, усмешка вечности над сиюминутным бытием.

Образ жалобщика-изображения, созданный Галибом, оказался притягательным и для современных поэтов. Выдающийся пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984) назвал свой первый поэтический сборник *Naqsh-e faryādī* (в русском переводе «Печальные узоры»). Более того, Фаиз написал большую статью, в которой он дал подробное толкование первого стиха первой газели «Дивана Галиба» в традициях прогрессивистской (*taraqqipasand*) литературы урду⁶. Повторив известные версии толкования, Фаиз выражает мнение, что, несмотря на разъяснение самого Галиба по поводу старинного иранского обычая, поэт под словом *naqsh* все же имеет в виду не человека – создание Творца, а творение самого человека – то, что изображено на бумаге, прежде всего стихи. И поэтому жалоба обращена не к Богу, а к человеку-творцу. Истинный художник – мастер пера или кисти – с таким жаром выплескивает на бумагу боль своего сердца («боль мира», которую вобрало сердце поэта / художника), что ни изображенное им, ни сама бумага не могут вытерпеть этот жар и сетуют на причиняемые страдания. Фаиз считает, что слово *shokhī* следует понимать не как «дерзость, озорство» и т. д., а как «интенсивность / силу / энергию».

«Главным же я считаю вопрос о причине жалобы, – пишет Фаиз. – Ответ на него можно найти во многих других *ше'рах* Галиба. Вот пример на персидском:

⁶ Движение прогрессивных писателей Индии (после 1947 г. также Пакистана) – самое широкое литературное движение XX в. на Индопакистанском субконтиненте, целью которого была последовательная демократизация литературы, социальная направленность, сближение с жизнью.

غالب نبود شیوه^۱ من قافیہ بندی
ظلمیست کہ بر کلک و ورق میکنم امشب

ghālib nabūd shīva-e man qāfiya-bandī
ẓulmīst ki bar kilk-o-varaq mīkunam imshab [10, с. 67]:

Галиб, рифмоплетство не было моим обыкновением,
То, что сегодня ночью совершаю над пером и бумагой, это жестокость.

Поэт говорит, что его чувства обладают такой внутренней силой, накалены такой страстью, что когда попадают на перо и выливаются на бумагу, то перо, бумага и сами начертания (*naqsh*) на бумаге стенают от боли и страдания. Вот они-то и есть “жалобщики” (*faryādī*), а “жестокость” (*ẓulm*) поэта – та же “дерзость” (*shokhī*)» [10, с. 66–67].

Выводы

Мы рассмотрели вкратце контексты пучка мотивов, связанных с мотивом бумажного одеяния жалобщика и образа жалобщика из зачина (*matla'*) первой газели «Дивана Галиба». Тема жалобы на разлуку с Творцом, предписанная традицией, в *ше'ре* Галиба не отражена эксплицитно. Основная тема выражается в жалобе на озорство Творца. Поэзии Галиба присуща ироничность – и здесь она проявилась в полной мере, об этом свидетельствует слово «озорство» *shokh*, характеризующее креативную деятельность Создателя.

Визуальность – еще одна неотъемлемая черта поэзии Галиба. Если нельзя «увидеть» образ стиха, если он лишен зрелищности, это может служить причиной того, что строка забракована поэтом. Первый *ше'р* необычайно зрелищен. Не удивительно такое внимание к этому стиху: можно сказать, что множество смыслов, порожденных мотивом жалобщика в бумажном платье, обогатили поэзию урду.

Литература

1. Мирза Галиб. *Избранное*. Сост. Зое Ансари, перев. Г. Ю. Алиев, Н. И. Пригарина, Н. В. Глебов. М.: Наука; 1980. 791 с.
2. 'Арши, Имтияз Али (сост.) *Divān-e Ghālib-e Urdu* (Диван урду Галиба). Алигарх: Анджуман-е таракки-е урду; 1958. 502 с. (На урду)
3. Халик Анджум (ред.). *Ghālib ke k̄huṭūṭ* (Письма Галиба). Т. 2. Дели: Галиб Инститьют; 1985. 970 с. (На урду)
4. Раза, Калидас Гупта (сост.) *Divān-e Ghālib-e Urdū Kāmil*. (Полный Диван Галиба на урду). Мумбаи: Сакар паблишерс Прв. Лтд.; 2000, var-e sevum (3-е изд.). 563 с. (На урду)
5. Деххуда, Али Акбар. *Luġhat-nāma*. (Словарь). Доступ: <https://dekhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary>
6. *Karimul-luġhāt. Fārsī – Urdu* (Словарь Карима. Фарси-урду). Лахор: Мунши Тедж Кумар; 1861. 24 vinbar 1964. (24-е изд. 1964). 208 с.

LITERATURE OF THE EAST

Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. Motif of paper garment in Ghalib's...
Orientalistica. 2021;4(3):722–734

7. Пригарина Н. И. *Мирза Галиб. Биографическая повесть*. М.: Летний сад; 2015. 575 с.

8. Хуршидул Ислам. Khurshidul Islam. *Ġhalīb. Ibtidāi dour*. Aligarh, 1979. 369 с. (На урду)

9. Мир Таки Мир. *Kulliyāt-e Mir (Полное собрание газелей Мира)*. Ред. Зилл Аббас Аббаси. Дели, 1968. 840 с. (На урду)

10. Фаиз Ахмад Фаиз. *Mata‘-e loh-o-qalam (Перо и бумага)*. Карачи: Maktaba-e Daniyal; 1973. С. 63-70. (На урду)

References

1. Mirza Ghalib. *Selected works*. Compl. Zoe Ansari. Transl. G. Y. Aliyev, N. I. Prigarina, N. V. Glebov. Moscow: Nauka; 1980. 791 p. (In Russ.)

2. ‘Arshi, Imtiyaz Ali (compl.). *Divān-of Ġhālīb in Urdu*. Aligarh: Anjuman-e taraqqi-e Urdu; 1958. 502 p. (In Urdu)

3. Khaliq Anjum (ed.). *The Letters of Ghalib*. Vol. 2. Delhi: Ghalib Institute; 1985. 970 p. (In Urdu)

4. Raza, Kalidas Gupta (compl.) *The complete Divān-of Ġhālīb in Urdu*. Mumbai: Sakar Publishers Pvt Ltd; 2000 (3rd ed.). 563 p. (In Urdu)

5. Dihkhuda, Ali Akbar. *The Dictionary*. Available at: <https://dekhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary>

6. Karim. *The dictionary of Karim. Fārsī – Urdu*. Lahore: Munshi Tej Kumar; 1864 (the 24th ed. 1964). 208 p.

7. Prigarina N. I. *Mirza Ghalib. The Biographical Story*. Moscow: Letniy Sad; 2015. 575 p. (In Russ.)

8. Khurshidul Islam. *Ġhalīb. Ibtidāi dour*. Aligarh, 1979. 368 p. (In Urdu)

9. Zill ‘Abbas ‘Abbasi (ed.) *Kulliyat-e Mir*. Delhi, 1968. 840 p. (In Urdu)

10. Faiz Ahmad Faiz. *Mata‘-e loh-o-qalam (Pen and paper)*. Karachi: Maktaba-e Daniyal; 1973. 63–70 p. (In Urdu)

Информация об авторе

Пригарина Наталья Ильинична – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, член редколлегии журнала «Ориенталистика».

Information about the author

Natalia I. Prigarina – Dr. habil. (Philol.), Professor, Principal Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Moscow, Russia.

Author’s Links

Информация об авторе

Васильева Людмила Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов Азии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Ludmila A. Vasilyeva – Ph. D. (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Asian peoples' Literature, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 августа 2021
Одобрена после рецензирования: 10 сентября 2021
Принята к публикации: 17 сентября 2021
Опубликована: 29 сентября 2021

Article info

Submitted: August 21, 2021
Approved after peer reviewing: September 10, 2021
Accepted for publication: September 17, 2021
Published: September 29, 2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.